

Александр Санфиров

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С18

Серия «Попаданец»
Выпуск 46

Оформление обложки *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

С18 Санфиров, Александр Юрьевич

Вторая жизнь: роман / Александр Санфиров. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-110337-8

Попасть снова в свою юность, зная будущее, заветная и несбыточная мечта многих и многих людей. Исправить свои ошибки, сделать карьеру, заработать много денег. Или просто путешествовать по миру, удивляясь его многообразию.

И чудо свершилось. На восьмом десятке жизни, умерев на зимней рыбалке, герой обнаруживает себя в теле десятиклассника.

И вроде бы перед ним сейчас открыты все пути и дороги, о которых мечталось вечерами в старости перед тлеющими в камине углями. Но жизнь есть жизнь, и в ней не всегда получается так, как хотелось, даже если ты знаешь свое будущее и будущее своей страны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110337-8

© Александр Санфиров, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Сторожок на удочке не шевелился почти полчаса.

— Нет, хорош сидеть! — подумал я. — Клева, похоже, больше не будет.

Смотав удочку, кинул ее в шарабан вместе с черпаком и несколькими хилыми окушками. Коловорот привязал к багажнику. Усевшись в седло, завел снегоход и поехал к чернеющему вдалеке берегу.

Около подозрительной трещины резко сбавил скорость и начал искать место для переправы. К старому следу ехать желания не было, и я решительно двинулся вперед. Треск льда пугающе ударил по ушам, а снегоход, вырвавшись из-под задницы, исчез в глубине. Как ни странно, паники не было. Я лихорадочно дергал молнию, стараясь снять куртку. Быстро тяжелевшие сапоги тянули вниз. Подплыв к краю промоины, вцепился в лед, выдернул себя до пояса из воды и облегченно вздохнул. Но в этот момент невыносимая боль в левой половине груди заставила потерять сознание, и наступила тьма.

Сколько она длилась, неизвестно. Казалось, я завис в безвременье. Затем понемногу стало светлеть, в ушах, привыкших к тишине, болью отдавалось щебетание птиц и шум ветра.

Открыв глаза, понял, что гляжу в ясное синее небо с редкими белыми облаками.

— Что за чертовщина?! — пронеслось в голове. Вскочив на ноги, обнаружил, что стою на расстеленном на траве покрывале, а с него на меня удивленно глядит мой школьный приятель Вовка Третьяков.

— Ничего себе! — мысленно воскликнул я и шлепнулся рядом с ним. Неожиданно ослабевшие ноги не держали. Сердце судорожно бухало в груди.

— Саня, ты чего вскочил? — спросил приятель. — Так храпел классно. Приснилось что-нибудь?

— Приснилось, — неожиданно осипшим голосом сообщил я. Оглядевшись, взял в руки лежавший под боком учебник физики за десятый класс.

«Черт, что вообще происходит?» — думал я, машинально перелистывая страницы. Только что тонул среди зимы, а сейчас лето и я с Вовкой учу физику.

Третьяков, посмотрев на меня, отвернулся и вновь задремал. Я положил учебник и встал.

Все правильно, мы загорали в нашем любимом месте у Неглинки. Закрытое от ветра косогором, оно всегда рано прогревалось солнцем.

Задумавшись, машинально зашагал в сторону речки.

— Ты куда? — пришел к жизни приятель.

— Пойду прогуляюсь, может, скупнусь, — сообщил я.

— С ума не сходи, — крикнул Вовка. — Вода холоднющая.

Я же шел, прислушиваясь к своему организму. Господи! У меня ничего не болело! Спина и колени не скрипели!

Появившаяся эйфория заставила разбежаться и сделать два сальто вперед. На втором проскользнул рукой на влажной траве и с хеканьем рухнул на мягкую землю.

После этого залез в мелкую речушку и уселся в воду между камней, заливаясь истерическим смехом.

Третьяков встал и, выйдя на берег, тревожно спросил:

— Сашка, у тебя все в порядке, ты на солнце не перегрелся?

— В порядке, Вовка, даже не представляешь, в каком, — продолжая смеяться, ответил я, глядя на своего умершего друга. Последний раз я видел его лежащим в гробу четыре года назад. А сейчас он живой и здоровый стоит передо мной, ему семнадцать лет, как и мне, на дворе 1968 год, и еще ничего не решено, вся жизнь впереди, хотя, не исключено, что это мои предсмертные видения.

— Хватит дурью маяться, — буркнул приятель. — Давай физику учить, нам еще шпоры писать надо.

Я выбрался из воды, эйфория исчезла, и меня билa крупная дрожь. Вода действительно была ледяная.

Схватив покрывало, начал энергично растираться.

— Не, Володя, все, учить физику не буду, ну ее к монаху, — сообщил я другу. — Зачем мучиться, сдам и так.

Хоть арабы и советуют никогда не жалеть о прошлом, я всегда о нем жалел. Возвращаясь к прошедшим событиям, вновь и вновь пытался их переиграть, поступить по-другому. И если сейчас неизвестная сила подарила такую возможность, то кто я такой, чтобы от нее отказаться.

В этот раз проживу совершенно другую жизнь!

Под взглядом озадаченного приятеля оделся, засунул учебник и термос в рюкзак, после чего сообщил:

— Слушай, я тут кое-что вспомнил. Мне надо срочно уйти. Ты оставайся, загорай.

— Да ну нах... — воскликнул Вовка. — Мне тут одному тоскевич. Я тоже, пожалуй, пойду.

Мы поднялись на косогор и пошли по узкой тропке в сторону города. Наверху задувал холодный ветер, и нам пришлось прибавить шаг, чтобы не мерзнуть.

— Прохладный нынче июнь, — сообщил Вовка, надевая футболку.

— Все лето такое будет, — ответил я. Третьяков недоверчиво посмотрел на меня, но ничего не сказал. Вскоре он свернул в сторону своего дома, дальше я пошел один.

Несмотря на прошедшие пятьдесят лет, память не подвела, я помнил каждый изгиб неприметной тропки и уверенно вышел к домам, стоявшим на краю леса.

Во дворе играли малыши. На конечной остановке автобуса толпился народ.

Я быстро поднялся на третий этаж, снял с шеи висевший на веревочке ключ, открыл знакомую дверь. Она была совсем не такой, какой я ее видел

в последний раз в 2017 году. Время еще не изменило ее.

Дома никого не было.

«Отлично, есть возможность прийти в себя», — подумал я. Меня еще потряхивало от волнения, мысли текли беспорядочно.

Разобрав рюкзак, положил учебник на стол и улегся на оттоманку.

— Ну и что будем делать, товарищ вселенец? — обратился сам к себе. — Спасать страну?

Спасать страну не хотелось. Хотелось всего того, чего у меня никогда не было.

В голове то и дело вертелась фраза: «А еще жизнь хороша тем, что можно путешествовать».

Молодое тело лежать отказывалось, поднявшись с оттоманки, я оглядел комнатку.

— Надо сказать, ты, Сашка, в это время был изрядный засранец, — сообщил я сам себе и принялся за уборку.

Когда убирал ведро и тряпку в туалет, мама как раз вернулась с работы.

— Это хорошо, что совесть в тебе проснулась, — сообщила она. — Но лучше бы занялся уборкой после экзамена.

Я открыл было рот сообщить, что мне экзамен на хрен не сдался, но тут же закрыл.

Мама — это вам не Вовка Третьяков. Как начнет орать, не закончит до вечера. Не будешь ведь ей доказывать, что резко повзрослел.

«М-да, пожалуй, экзамены придется сдавать, иначе скандал будет», — подумал я и начал изучать расписание. Большинство экзаменов было позади, оставались физика, английский язык и сочинение.

«Ладно, монопенисуально, учить ничего не буду, — окончательно решил я. — Как сдам, так и сдам. Пойду лучше прогуляюсь по городу».

— Ты куда? — воскликнула маман, когда я направился к дверям. — Кто физику будет учить? Пушкин?

— Ну, мама, — жалобно заныл я, без труда вспоминая свои увертки. — Мы сегодня с Вовкой целый день зубрили.

— Знаю, как вы учите, — сообщила мама. — Небось, на голожопых девок на пляже пялились, про учебу и не вспоминали.

— А вот и нет, мы специально на Неглинку ходили, чтобы никто не мешал. — Честно признался я.

Куда бы направить свои стопы? — озадачился, выйдя из дома. О! Помню, в эти годы завидовал барменам, денег на кармане куча, девочки вокруг любые. Полгорода знакомых. Пойти, что ли, в бар какой заглянуть, насчет работы разузнать?

К сожалению, сейчас в городе не так много мест, куда можно устроиться. Уже по дороге я вспомнил, что вскоре должна открыться шашлычная на улице Ленина, и решительно зашагал в ту сторону.

Идя по улице, я наслаждался забытым чувством здоровья и легкостью ходьбы. Навстречу шли сотни горожан. Редкие автобусы и троллейбусы не могли перевезти всех желающих, и большинство двигалось пешком. После забитого автомашинами города улицы казались вообще свободными от транспорта.

Шашлычная, как и предполагал, была еще закрыта. Однако, обойдя вокруг здания, обнаружил, что задняя дверь не на замке.

Зайдя в темный коридор, пахнувший свежей краской, я прошел до какого-то кабинета, откуда слышался негромкий разговор.

Постучавшись, зашел и обнаружил там сидящую за письменным столом толстуху и стоящего рядом мужчину грузинистого типа.

— Тебе чего, мальчик? — нетерпеливо спросила женщина, видимо, ей хотелось продолжить разговор.

— Здравствуйте, — вежливо сказал я. — Меня зовут Александр Сапаров, мне семнадцать лет. Сейчас я сдаю экзамены за десятый класс, а потом я бы хотел работать у вас в шашлычной.

— Послушайте, молодой человек, — удивленно сказала женщина. — Вы разве не хотите поступить в университет или институт? Ради чего вы тогда учились десять лет. Могли бы поступить после восьмого класса в ТКУ и потом прийти к нам на работу.

Я пожал плечами.

— Тогда мне хотелось учиться, а сейчас я решил пойти работать.

— А почему именно к нам? Можно ведь и в другое место.

Я улыбнулся.

— Шашлык люблю и есть и готовить. Поэтому решил к вам.

Тут в разговор вступил мужчина.

— Слюшай, малчик, ты действительно шашлык-машлык любишь? Может, расскажешь, как его готовить?

— Отчего же, расскажу.

И я приступил к рассказу, после десятого рецепта маринада мужчина возбужденно замахал руками.

— Маладэц, понимаешь, так гаварил, как будто атэц у тебя грузын. Слюшай, Наталья Пэтровна, бери его на работу. Такой маладэц не подведет... Я нэ ошибаюсь никогда.

Наталья Петровна улыбнулась.

— Хорошо, Саша, давай так договоримся: ты сдаешь экзамены и после них приходишь ко мне. Паспорт, надеюсь, у тебя уже есть, будет неплохо, если ты еще принесешь школьную характеристику, если та меня устроит, то возьму на работу учеником официанта.

Я собрался с духом и нахально спросил:

— А можно учеником бармена?

Грузин засмеялся.

— Я же тэбе гавару, парень — маладэц, хороший бармен будэт.

Наталья Петровна нахмурилась.

— Ты, оказывается, бойкий малый. Ничего пока обещать не могу, когда придешь с документами — тогда поговорим.

Выйдя из шашлычной, я отстоял небольшую очередь у цистерны, купил за три копейки маленькую кружку кваса, присел на ближайшую скамейку и медленно цедил холодную жидкость, наслаждаясь настоящим вкусом напитка, забытого за десятилетия.

После этого, не торопясь, направился в сторону дома. Когда зашел домой, там аппетитно пахло ужином. Отец еще не приходил, и у мамы настроение было на нуле. Она молча накидала мне тарел-

ку картошки с тушенкой. Я так же молча опустошил тарелку, запил чаем с куском батона и ушел к себе.

Разговаривать не хотелось. Видимо, первые часы вселения я был слишком возбужден, и сейчас наступила реакция. Появилась слабость, разболелась голова. Несмотря на эту боль, жутко клонило в сон.

Я только успел крикнуть маме, что хочу спать, и меня вырубил.

Утром я не сразу сообразил, отчего ночью в старой квартире. Первая мысль была, что забурился сюда после какой-то пьянки. Но тут вспомнил вчерашние события, и сразу накатило радостное чувство второго рождения.

— Ох! Сегодня же экзамен! — вспомнил я и быстро начал одеваться.

Отец с мамой сидели на кухне и переругивались. В той жизни я старался уйти от этих разборок. Сейчас же родители казались мне глупыми детьми, ссорящимися из-за пустяков.

Поэтому, сев за стол, скомандовал:

— Заканчиваем прения, мама! Внушение ты сделала, все всё осознали, давайте лучше позавтракаем. Кстати, у меня сегодня экзамен. Так что не надо меня нервировать.

Упоминание экзамена помогло. На кухне стало тихо. После завтрака я, сунув в карман шариковую ручку, отправился в школу. Перейдя через дорогу, нырнул в дыру в заборе и пошел по натопанной тропке к парадному входу.

На четвертом этаже у кабинета физики уже толпились одноклассники. Большинство нервно

шуршало шпорами, учебниками. Я уселся на подоконник и скучающим взглядом смотрел на всю эту суету. Рядом со мной тут же уселась Светка Шитикова. Она уткнулась в учебник, не замечая, что сдвинула им подол платья. А там на открытых ногах были видны стройные ряды формул, написанных фиолетовыми чернилами.

Тронув ее за плечо, шепнул:

— Светка, одерни платье, учителя заметят.

Та быстро опустила подол и, оглядевшись, удивленно спросила:

— Саша, ты чего ты так сидишь? Хоть учебник почитай напоследок.

Я махнул рукой.

— Перед смертью не надышишься. Уже начался.

Тут к нам подошел Третьяков.

— Слушай, Саня, у меня такое ощущение, что я все забыл. Ты шпоры принес? Если я первым пойду, дашь мне?

Я засмеялся.

— Садись рядом со Светкой, она тебе даст списать. Заодно ножки покажет. Я вчера ничего сделать не успел, заснул, девяти еще не было.

Светка после моих слов порозовела, но согласнo кивнула.

Вовка явно повеселел.

— Ладно, я тогда с тобой за один стол сяду, — сообщил он Светке.

Еще через несколько минут явились учителя и нас запустили в класс.

После того, как мы расселись, всех по очереди вызывали тащить билеты.

Я думал, что не смогу ответить ни на один вопрос, и надеялся, что мне выставят трояк в счет старых заслуг. Но вопросы оказались довольно легкими, я вызвался отвечать почти сразу и под завистливые вздохи одноклассников отстрелялся за десять минут.

Вовку пришлось ждать почти час. Он получил четверку и был вполне доволен собой. Теперь нас ждал английский язык, который был для Третьякова терра инкогнита. Моя задача состояла в том, чтобы помочь ему выучить небольшой рассказ из восьми предложений про американского художника Рокуэлла Кента.

Но на сегодня эта тема была пока неактуальна. Учебу планировалось начать с завтрашнего дня.

— Может, по пиву? — нерешительно предложил Вовка.

— Давай, — согласился я. — Но для начала зайдем в одно место.

— Это куда? — насторожился Третьяков.

— Увидишь, — коротко хохотнул я в ответ и двинулся к автобусной остановке.

Когда кинул десять копеек в приемное гнездо контейнера и открутил пару билетов, Вовка удивленно посмотрел на меня. Обычно мы старались проехаться зайцем. Но стояли поближе к билетной кассе. Если заходил контролер, мы быстро кидали туда деньги и откручивали билеты. Но сегодня я так не поступил.

В ответ на Вовкин вопросительный взгляд пожал плечами, мол, понимай, как хочешь.

Через три остановки мы сошли и пошли по Герцена к двухэтажному деревянному зданию.